

Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда

В 1946 г. Самаркандской археологической базой были продолжены разведочные работы на городище Афрасиаб (домонгольский Самарканд), начатые осенью 1945 г. Институтом истории и археологии АН УзССР¹.

В свете работ покойного археолога В. Л. Вяткина, обобщенных им в известном очерке «Афрасиаб—городище былого Самарканда» (Самарканд, 1928), этот памятник мог представляться ценным лишь для средневековья. Только отдельные предметы быта и находимые в нем изящные терракоты² свидетельствовали о важности его и для изучения более ранних эпох.

Разведкой 1945 г. было установлено: Афрасиаб имеет сложную стратиграфию культурных наслойений, в среднем 4—6 м толщиной; древнейшие культурные наслойния соответствуют культурам Тали-Барзу I и II, но датируются не доахеменидским и ахеменидским временем, куда их относил Г. В. Григорьев³, а первыми веками до нашей эры (раннекушанским периодом); мощные и распространенные на всей площади Афрасиаба культурные слои раннекушанского времени свидетельствуют о том, что Самарканд уже в ту пору представлял собой крупный городской центр. Важными вехами в истории древнего города являются остатки фортификационных сооружений, состоящие из цитадели и четырех линий стен; все крепостные сооружения, кроме третьей стены, возникли до начала нашего летоисчисления, а третья стена была сооружена после арабского завоевания; Самарканд в течение продолжительного отрезка времени после арабского завоевания включал в пределах городища Афрасиаба следующие части: кухендиз (цитадель), шахристан (внутренний город) и рабад (ремесленное предместье); кухендиз состоял из кешка и укрепленного двора; шахристан включал в себя первое укрепление, утратившее фортификационное значение ко времени арабского завоевания, и второе укрепление, а позднее вырос за счет части площади рабада в центре городища, охваченном третьей стеной; рабад первоначально обнимал всю территорию между второй и четвертой (внешней) стеной Афрасиаба; археологические данные подтвердили правильность исторического вывода В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского о том, что жизнь в Самарканде постепенно переходила с севера на юг и что монгольское завоевание 1220 г. лишь завершило начавшееся раньше запустение его на Афрасиабе⁴.

Материалы разведок 1945—46 гг. дают уже возможность приступить к разработке историко-археологической периодизации культуры Самарканда на Афрасиабе. Работа эта облегчается вышедшими в свет предварительными обзорами исследований Г. В. Григорьева, в которых дается классификация культурных периодов городища Тали-Барзу. Нельзя согласиться со многими хронологическими определениями Г. В. Григорьева, но установленная им последовательность смен культурных стадий для Тали-Барзу вполне удовлетворяет современным научным требованиям, и ее можно принять в качестве первого серьезного опыта историко-археологической периодизации. Согда в целом.

Ахеменидский период. Золотой дарик коллекции Б. Н. Кастальского, купленный в Самарканде, мог бы являться первым предметом материальной культуры ахеменидского времени, связанным с Афрасиабом, если бы мы располагали точными данными о том, что он происходит именно отсюда⁵. Сомнения в том, что Афрасиаб может хранить в своих недрах вещественные свидетельства столы отдаленной исторической поры, ныне рассеялись. В 1946 г. у пастуха Хусейнова Шарипа была приобретена серия предметов, собранных им на этом городище, среди которых оказалась небольшая подвесная печать

¹ История изучения Афрасиаба подробно представлена в работе А. Ю. Якубова, Из истории археологического изучения Самарканда, «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», II, 1940, стр. 285 сл.

² C. Trever, Terracottas from Afrasiab, 1934, стр. 93.

³ Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II, 1940, стр. 87—92.

⁴ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 304.

⁵ М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг., Ташкент, 1933 г., стр. 6.

из коричневатого кремнистого камня с резным изображением увенчанного короной ахеменидского царя в рост с колчаном за спиной и луком в руках, ниже которого дана вертикальная строчка подражания клинописи (рис. 1).

Культурных же наслойений ахеменидской поры на Афрасиабе еще не обнаружено, как не встречено их пока и на всей территории Согда.

Г. В. Григорьев, как это отмечено выше, относит к доахеменидскому и раннеахеменидскому времени слои I и II городища Тали-Барзу, расположенного в 6 км к югу от Самарканда. Однако, если и ранее датировки Тали-Барзу вызывали сомнения¹, то после новых работ на Афрасиабе от них нужно отказаться самым решительным образом, так как они противоречат объективным археологическим данным².

Рис. 1. Печать с изображением царя. Ахеменидский период. Увеличение $\frac{3}{4}$ раза

Греко-бактрийский период. В начале 1947 г. в 30 м к востоку от мавзолея Ширинбек-ака ансамбля Шах-и-Зинда на линии вала 4-го (внешнего) укрепления Афрасиаба, на глубине 4—5 м ниже поверхности, был вскрыт зольник, рядом с которым обнаружены остатки глинобитных построек. Он дал обильные керамические находки, две бусины (бирюзовую пронизь и белую пастовую бусину), полированный каменный пестик и кости коров, лошадей, овец и свиней.

Сосуды изготовлены на гончарном круге, имеют в изломе красный крепкий черепок и покрыты спаужи желтовато-белым лёссовым раствором. Эти сосуды, кроме пифосов (хумов) и мисочек, трудно распределить по назначению. Одни из них имеют нижнюю часть в виде усеченного конуса и простой цилиндрический корпус; у других нижняя часть сделана в виде мисочки с отогнутыми краями, перек

ходящей посредством острого ребра к почти цилиндрическому корпусу; третьи—с плоским дном, имеют форму банки, расширяющейся кверху. Пифосы—малые и крупные. В донной части они выплывались в виде глубокого блюда с круглым дном и, как правило, имеют цилиндрический корпус с приостренным или валиковидным краем венчика.

Для всего круга керамических изделий из зольника следует отметить крайне слабую дифференцированность форм, что объясняется специфическими приемами гончарной техники (лепка донной части и нарощивание на нее корпуса) и, возможно, недавним введением в ремесленное производство гончарного колеса. На типах сосудов лежит печать седой архаики, позволяющей искать их прототипы в ранних слоях культуры Анау Южной Туркмении и Дамгана Северного Ирана или в местных, но еще не выясненных более древних культурах.

Эта культурная стадия впервые описывается для Согда, и мы не располагаем никакими фактическими материалами или данными (хотя бы даже стратиграфическими), которые позволили бы определить ее время. Для нас ясно лишь то, что она старше Тали-Барзу I и II, восходящую генетическую связь с которыми можно проследить по имеющимся уже материалам, и условно датируется нами в настоящий момент греко-бактрийским периодом.

Ранnekушанский период. Культурные слои, соответствующие Тали-Барзу I и II, на Афрасиабе отличаются большой мощностью и обнаруживаются в пределах всего городища, свидетельствуя о процветании г. Самарканда в ранnekушанское время (первые века до нашей эры).

Они связаны с Тали-Барзу I и II общностью ряда форм сосудов и, прежде всего, таких характерных, как кубков (ваз по Г. В. Григорьеву)³, массивных глиняных под-

¹ А. И. Тереножкин, Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, 1939, № 1, стр. 189.

² Он же, Городище Афрасиаб, СА, № 11 (печ.).

³ Г. В. Григорьев, ук. соч., рис. «а» и «б», стр. 93.

ставок с двумя головами баранов¹, терракотовых фигурок коней с высокой гребневидной гривой² и др. Их объединяет также в общем одинаковый уровень керамического производства—хорошее качество глины, высокий обжиг, применение красного ангоба и лощения.

Стратиграфически нами был исследован лишь один пункт в первом укреплении западнее места, на котором В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин открыли остатки соборной

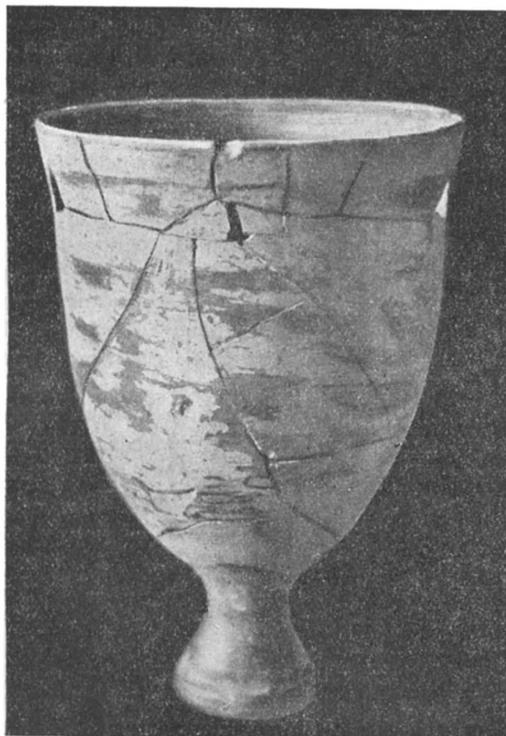

Рис. 2. Глиняный кубок. Ранnekушанский период

мечети XII в. Здесь был заложен шурф, разрезавший два культурных слоя. Керамические изделия нижнего слоя отличаются высоким качеством. Для их отделки употреблен не только красный ангоб, но и красный лак очень неплохого качества. Здесь были найдены кубки с небольшим коленцевидным перегибом. Керамические изделия верхнего слоя ниже по качеству. Для него типичны кубки, имеющие вид высоких чар с чуть отогнутым наружу краем на неустойчивой ножке (рис. 2). В обоих слоях найдены фрагменты кубков и кувшинов, сделанных из серой глины, покрытых черным лаком и черным ангобом.

В яме с отходами от обжига алебастра на восточном краю третьего укрепления был добыт комплекс керамических изделий, характеризующихся средним качеством изготовления с редким применением красного ангоба или лощения. Хумы и кувшины часто украшаются узорами в виде волнистых линий. Кубки, происходящие отсюда, представлены двумя типами: один из них очень близок к типу кубков из верхнего слоя шурфа в 1-м укреплении, а второй отличается тем, что имеет вогнутые внутрь края.

Керамические изделия из гончарной печи, открытой в стенке оврага у мавзолея Ходжа-Даньира в восточной части 2-го укрепления, грубоаты в техническом отноше-

¹ Там же, рис. «в».

² Там же, табл. 1, рис. 4.

ии. В этой печи были найдены кубки, имеющие вид таких же ваз на устойчивой ножке, какие характерны для Тали-Барзу I и II.

Стратиграфическая и хронологическая последовательность представленных комплексов по отношению друг к другу пока не установлена.

Рис. 3. Терракотовая фигурка всадника.
Раннекушанский период

коня. Для большей полноты характеристики культуры остается упомянуть часто встречающиеся в слоях примитивные ручные зернотерки, каменные песты различных форм, точильные бруски из сланцевых галек, глиняные грузила от ткацких станков и изредка трехлопастные черешковые (без порожка) небольшие железные наконечники стрел.

Рис. 4. Головка терракотовой статуэтки. Раннекушанский период

Рис. 5. Фрагментированная головка терракотовой фигурки грифона. Раннекушанский период

Керамика Афрасиаба по технике и по типам сосудов связана с кушанскими древностями Айртама близ Термеза³ и Хорезма⁴, еще более тесна и ощутима ее связь с

¹ М. Э. Воронец, Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР, ВДИ, 1940, № 3—4, рис. 15, стр. 337.

² К. В. Тревер, Гопатшах—пастух-царь, ТОВЭ, II, стр. 71—85.

³ См., например, указание М. И. Вязьмитиной в статье «Керамика Айртама» (в сборнике «Термезская археологическая экспедиция», II, Ташкент, 1945, стр. 51) на то, что ранние культурные наслаждения Афрасиаба, для которых еще В. Л. Вяткиным были отмечены бокалы и чаши на высоких ножках, следует определять как кушанские.

⁴ А. П. Тереножкин, О древнем гончарстве в Хорезме, Известия УзФАН, 1940, № 6, стр. 54; С. П. Толстов, Новые материалы по истории Хорезма,

памятниками Каршинского оазиса (низовья р. Кашка-Дарья), например крепостей Зохак-и-Марон и Ер-Курган, обследованных нами осенью 1946 г.¹.

К югу от Афрасиаба, перед местом бывших Кепских ворот древнего города у мечети Хозрет-Хыэр, при случайных обстоятельствах была обследована покольная часть ворот Аханин городских укреплений Самарканда, возведенных при Тимуре. Они были сложены из кирпичей, повторно употребленных в кладку, т. е. не приготовленных специально, а добытых из старой постройки. В кладке оказались кирпичи отличного красного обжига, но различного назначения и поразительно крупных размеров: большие прямоугольные кирпичи— $53 \times 40 \times 9$ см, прямоугольные кирпичи— $42 \times 20 \times 9$ см, квадратные кирпичи— $42 \times 42 \times 9$ см, клинчатые кирпичи размерами $48,5 \times 39 — 26 \times 8,5$ см. Средневековая строительная техника Средней Азии не знает таких крупных стандартов для кирпичей.

Древние строители в Средней Азии предпочитали крупные кирпичи, как это хорошо прослеживается, например, на применении сырца в кладках архитектурных сооружений Хорезма. Кирпичей одинаковых размеров с кирпичами из ворот Аханин на Афрасиабе пока не найдено. Нужны дальнейшие поиски остатков самого сооружения, которое было воздвигнуто из этих кирпичей, чтобы получить ответ на многие связанные с ним историко-археологические вопросы.

Наиболее близкие стандарты сырцовых кирпичей дают нам остатки зданий Тали-Барзу I и II. Стены их, по сообщению Г. В. Григорьева, сложены из пахсы с добавлением сырцового кирпича размерами $39 \times 39 \times 9$, а своды выложены из удлиненных кирпичей, которые при толщине в 9 см имеют 52 см длины. Совпадение некоторых показателей дает право предполагать, что кирпичи ворот Аханин принадлежат к раннекушанскому времени. В таком случае, если наша гипотеза об их происхождении верна, то приведенное сравнение может послужить первым указанием, которое хоть самым приближенным образом ориентирует нас в вопросе о времени создания грандиознейшего ирригационного сооружения, представлявшего выдающуюся достопримечательность древнего Самарканда.

Во всяком случае, в ту эпоху город переживал период большого подъема, и его материальный потенциал, как позволяют определять археологические данные, был достаточно мощен для осуществления крупной строительной деятельности.

Кушанский и гунно-эфталитский период. Археологических материалов кушанского и гунно-эфталитского периода (I—середина VI вв.) Афрасиаб не дает². Отсутствие их, возможно, объясняется отмечаемым историками упадком жизни в г. Самарканде в течение первой половины первого тысячелетия нашей эры, когда на первое место в Согде выдвигается город Кушания, находившийся близ современного Ката-Кургана³.

В V в. Самарканд впервые после македонского завоевания упоминается в письменных источниках. Китайская хроника кратко сообщает о нем: «Сиваньгинский правитель имеет пребывание в городе Сиваньгине от Мими на западе»⁴.

Это пробуждение жизни в Самарканде запечатлено находкой в восточной части второго укрепления терракотового украшения, имеющего вид ступенчатого зубца, совершенно одинакового с терракотовыми зубцами из замка Ак-тепе V—VI вв. близ Ташкента⁵.

Период тюркского каганата. Материальная культура периода господства в Средней Азии тюркского каганата и усиливающейся с середины VII в. роли Китая во внутренней жизни страны для Самарканда еще не выяснена. В этом вопросе на первом месте стоят открытия в замке афшина Самарканда Дивашиба на горе Муг в верховьях

ВДИ, 1946, № 1, стр. 96. Характеристики культур позволяют раннекушанские слои Афрасиаба ставить в связь с кангийской культурой Хорезма.

¹ Предварительный отчет о поездке в Каршинский оазис. См. ВДИ, 1947, № 2.

² К этому периоду мы относим Тали-Барзу III и IV—эллинистический и кушанский слои, по Г. В. Григорьеву,

³ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 117.

⁴ Иакин, Сведения о народах, обитавших в Средней Азии, III, стр. 165.

⁵ А. И. Тереножкин, Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г., Известия УзФАН, 1941, № 3, стр. 52.

р. Зеравшана (Таджикистан)¹ и раскопки Г. В. Григорьева на городище Кафыр-кала в 12 км к югу от Самарканда².

Основная культура городища Кафыр-кала, по данным Г. В. Григорьева, подтверждаемым находками времени согдийских правителей второй половины VII в., обнимает VI—VII вв. и стоит в прямой связи с Тали-Барзу V («сасанидский слой»). Сосуды Кафыр-кала, среди которых преобладают блюда, кувшины и кружки, близко напоминают так называемый сасанидский металл. Они обсыпались мелко толченой слюдой, блеск которой придает им металлический вид, и украшались отисками человеческих лиц, изображений козлов, плодов и цветов граната, пальметок и розеток. Кафыр-кала являлась, повидимому, главным центром такого своеобразного высокохудожественного керамического производства, находившегося в пределах довольно обширного округа.

Местонахождений с культурными слоями VI—VII вв. на Афрасиабе открыто немного. Объясняется это, несомненно, не слабым развитием этих слоев, так как Самарканд в ту эпоху, по китайским и арабским историческим известиям, вновь стал обширнейшим городом в Средней Азии, а трудностью выделения их из свиты напластований других периодов ввиду недостаточной яркости местных керамических форм. Легче обнаруживаются эти культурные наслоения в тех случаях, когда они сопровождаются находками обломков сосудов типа Кафыр-кала, служивших предметом ввоза в Самарканд, и медными монетами согдийских правителей, чеканенными по китайскому типу.

Наиболее важным объектом этого времени можно считать остатки мастерской ювелира, открытой в западном углу 3-го укрепления. Здесь были найдены обломки цилиндрических тиглей, куски шлаков цветных металлов, глиняные сосуды самаркандской работы и обломки кафыркалинских сосудов с слюдяной обсыпкой и рельефными отисками веток граната.

Арабское завоевание в начале VIII в. служит поворотным пунктом в истории и истории культуры народов Средней Азии: с крушением сасанидской монархии они включаются в сферу непосредственных переднеазиатских и средиземноморских влияний; в известной степени парализуются политические и культурные воздействия восточноазиатского мира, в частности Китая и степных тюркских объединений; зороастризм и буддизм уступают место исламу, ставшему официальной религией страны; рушатся древние традиции, ускоряется процесс смены рабовладельческих отношений феодальными.

Арабское завоевание повлекло за собой изменение в этническом составе населения Самарканда. Так, по одному сообщению Несефи, все дома в г. Самарканде были отданы арабам, а местное героически защищавшееся население было поголовно уничтожено³; по другому сообщению, арабы выселили жителей Самарканда в сторону Туркестана и гор⁴. Таким образом, арабское завоевание привело к тому, что древняя культура Самарканда уступила место иной культуре, генетически мало связанный с прошлым этого древнейшего города.

На основании анализа большого количества неглазурованных и глазурованных сосудов и отдельных предметов, добытых из поглощающих колодцев (железные ножницы, бусы, монеты и пр.), арабский период делится на три стадии: 1) раннеарабскую (начало—середина VIII в.), среднеарабскую (конец VIII—начало IX в.), позднеарабскую (середина IX в.).

К концу раннеарабской стадии, т. е. примерно к середине VIII в., следует отнести первые, робкие опыты применения глазури самаркандскими гончарами. Глазурованные сосуды типа кувшинчиков, мисочек и плошек, сделанные из чистой лёссовидной глины,

¹ «Согдийский сборник», Л., 1934.

² Г. В. Григорьев, К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, «Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946, стр. 94—103.

³ «Кандия Малая», перевод В. Вяткина, «Справочная книжка Самаркандской области за 1906 г.» (вып. VIII), стр. 246—247.

⁴ Там же, стр. 249.

встречаются на первых порах очень редко. Вместе с глазированием, как отмечено выше, появляются и подглазурные росписи, наносившиеся бледноватой бурой и зеленой краской по желто-лимонному фону. Низкое качество красок сопутствует слабостью и несложности линейных геометрических узоров (рис. 6).

На среднеарабской стадии замечается резкое увеличение количества глазированной посуды. Повышается качество глазури, совершенствуется, становится более разнообразным рисунок и вырабатывается определенный устойчивый стиль. Глазурью покрываются преимущественно миски, имеющие вид сегмента шара на низком поддоне, и блюда с широкими отлогими краями. Они расписываются зеленой или голубовато-зеленой и коричневой с фиолетовым оттенком краской по белому или чаще по мутному белому фону; роспись линейная, образующая сетки, квадраты, секторы, которые заполняются иногда простенькими растительными узорами с заполнением рисунка рассеянными точками (рис. 7).

Работы В. Л. Вяткина¹ и И. А. Сухарева² позволяют восполнить приведенную характеристику глазированной посуды еще одним признаком: на ней впервые появляются арабские надписи куфы. Факт знаменательный, и он должен был предостеречь

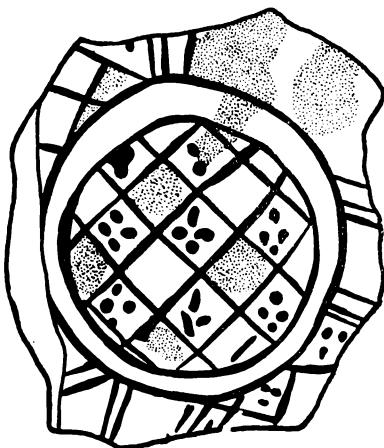

Рис. 6. Фрагмент глазуренной мисочки с росписью зеленой и бурой краской по желтому фону.
Раннеарабская стадия

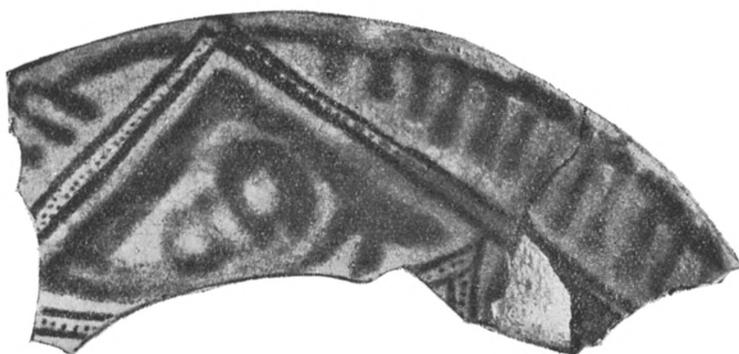

Рис. 7. Фрагмент глазуренного блюда с росписью зеленой и коричневой краской. Среднеарабская стадия

И. А. Сухарева от датировки появления глазуренной посуды этого стиля 20-ми—30-ми гг. VIII в.

На среднеарабской стадии исчезают глиняные кружки, вместе с тем исчезают кувшины и котлы старых форм. На смену им появляются одноручные кувшины с выпуклым яйцевидным корпусом и широким низким горлом с утолщенным внутри и наружу венчиком; широко распространяются тонкостенные выпуклые кувшинчики с высоким

¹ «Афрасиаб...», стр. 47, рис. 57 и стр. 49, рис. 58; блюдо, представленное на последнем рисунке, обращает внимание выполненным в том же стиле изображением мифологического существа в виде коня с головой птицы.

² И. А. Сухарев, Ранняя поливная керамика Самарканда, «Труды Узбекистанского государственного университета», новая серия, II, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 14.

горлом в виде раstrуба и кувшинчики с узким, в виде трубки горлом, формы которых эволюционируют и в течение ближайших последующих веков; распространяются полусферические котлы с широким, сильно вогнутым внутрь краем, приспособленным для закрывания крышкой.

В позднеарабское время возникает новый стиль глазурованной посуды. Блюда и мисочки, форм которых становятся угловатее, украшаются процарапанным, часто

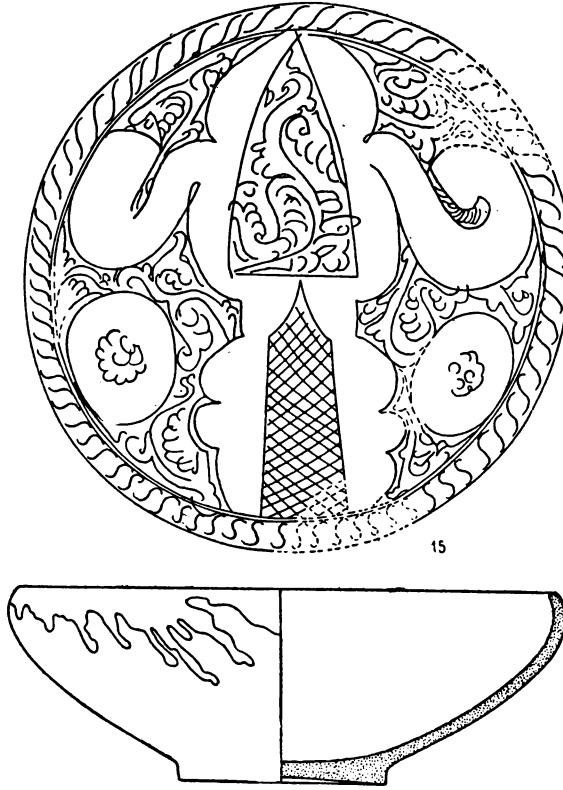

Рис. 8. Прочерченный орнамент на глауированном блюде.
Позднеарабская стадия

весъма вычурным, растительным узором (рис. 8) и почти беспорядочно отдѣлываются пятнами и линиями зеленої, желтой и коричневой красок, пестрая и сильно расплывчатая смесь которых покрывает почти всю поверхность внутри.

В 1927 г. В. Л. Вяткиным на Афрасиабе был открыт михраб мечети, украшенный резьбой по алебастру растительными узорами¹, выполненными в манере, близкой к процарапанным узорам на описанных блюдах (рис. 9), что позволяет поставить вопрос о датировке этого памятника, примерно, серединой IX в.

Саманидский период. К саманидскому периоду относится одно помещение, открытое над упомянутой выше мастерской предыдущего периода. Оно было датировано тремя медными монетами отличной сохранности Исмаила бен-Ахмеда, чекагаными в

¹ К сожалению, этот интересный памятник культуры не сохранился. Возможности ознакомиться с ними мы обязаны Б. Н. Засыпкину, который предоставил нам серию фотоснимков с михраба, снятых им во время раскопок В. Л. Вяткина, и разрешил воспользоваться ими в нашей работе, за что, пользуясь случаем, приносим благодарность.

Самарканде в 894—896 гг. н. э., и несколькими саманидскими монетами худшей сохранности первой половины X в. В помещении были найдены: большое фрагментированное блюдо, несколько крупных фрагментов глазурованных блюд, глазу-

Рис. 9. Деталь прочерченного узора по алебастрю михраба мечети, открытой В. Л. Вяткиным в 1927 г. Позднеарабская стадия

рованная ваза, кувшинчики, глиняные светильники, один светильник из шифера, фрагментированные стеклянные сосуды, гипсовая подставка с вделанными в нее 3 стеклянными баночками, серебряная серьга, бусы, часть глиняного очажка и ряд других менее значительных предметов.

Рис. 10. Фрагмент глазурованного блюда с узором в виде надписи. Саманидский период

В украшении блюд и других сосудов большое значение приобретают надписи с выражениями благопожеланий владельцу, выполненные строгой куфи, как на монетах, или реже—цветущей куфи. Часто надписи служат единственным и, следует заметить, совершенно достойным украшением сосудов (рис. 10).

Материалов для XI—XII вв. на Афрасиабе добыто пока так мало, что их еще недостаточно даже для самых общих определений своеобразия культуры этого периода.

А. Тереножкин